

Овсянников А.В.,
кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Орловский государственный институт культуры

Мир без героев: Томас Карлейль как критик современности. Часть 2

Во второй части статьи автор продолжает исследование критического дискурса о современности Т. Карлейля, обращаясь к таким объектам критики, как десакрализация и иллюзорный характер современной жизни. Автор признает необходимым условием корректной интерпретации идейного наследия Карлейля признание (квази) религиозного характера его текстов и идей, а также отнесение его к числу провозвестников «реакционного модернизма».

Ключевые слова: *профетический дискурс, модернизация, мещанство, утилитаризм, секуляризация, десакрализация, обрядоверие, иллюзорность, пустословие, лжегероизм, реакционный модернизм.*

Ovsyannikov A.V.,
Candidate of Philosophy,
Docent, Associate Professor of the Department of Social and
Humanitarian Disciplines,
Orel State Institute of Culture

The non-heroic world: Thomas Carlyle as a critic of modernity. Part 2

In the second part of the article, the author continues the study of Carlyle's critical discourse on modernity. The focus is on desacralization and illusory as anthropological and social dominants. The author comes to the conclusion that the recognition of the (quasi) religious nature of Carlyle's texts and ideas, as well as his attribution to the number of heralds of "reactionary modernism", is a necessary condition for the correct interpretation of his ideological heritage.

Keywords: *prophetic discourse, modernization, philistinism, utilitarianism, secularization, desacralization, ritualism, illusiveness, verbiage, false heroism, reactionary modernism.*

Модернизация как десакрализация

Очередное обвинение, предъявляемое Карлейлем современности – *десакрализация*, проявляющаяся в угасании религиозного чувства и торжестве

безверия, в отказе от вопрошания о высших смыслах существования. Вопрос об «основаниях человеческой жизни» всё меньше занимает современного человека, а между тем «на них, все равно на каком слое, человек, его жизнь, силы, все его интересы рано или поздно, но неизбежно должны основаться, и быть ими поддержанными или ими поглощенными, смотря по тому, насколько они им соответствуют. Относительно их предлагается не вопрос: насколько соответствуете вы Даунинг-стрит и признанной Видимости, а насколько соответствуете вы Божьему миру и действительной Реальности вещей?» [Карлейль, 2008б: 633]. Страшно не само страдание, а его бессмысленность, отсутствие ответа на вопрос: «Во имя чего?» «Жизнь никогда не была для людей Майским праздником <...> Люди, – и не только рабы ... но даже и герцоги, графы, короли, – часто изнемогали под тяжестью жизни и говорили, в поте лица своего и души своей: Смотрите, это не игра, это – суровая действительность, и спины наши уже не могут более выносить ее! <...> И все-таки я позволяю себе думать, что никогда, с самого возникновения Общества, участь этих немых миллионов работников не была до того невыносима, как в дни, проходящие ныне перед нами. Не смерть, даже не голодная смерть делает человека несчастным <...> Но жить несчастным неизвестно почему, тяжело трудиться и ничего не получать; быть одиноким, без друзей, с разбитым сердцем, опутанным всеобщим холодным *Laissez faire* – это значит медленно умирать в течение всей жизни, в оковах глухой, мертвой, Бесконечной Несправедливости, как бы в проклятом железном чреве Фаларисова быка! Вот что является невыносимым и всегда будет невыносимо для всех людей, которых создал Господь» [Карлейль, 2008б: 694-695].

Начало процесса десакрализации Карлейль связывает с утверждением деизма и связанного с ним механистического мировоззрения: «Природа, за последние столетия ... повсеместно считалась мертвой, как бы некими старыми недельными часами, сделанными много тысяч лет тому назад и еще тикающими, но все-таки мертвыми, как медь. Причем Мастер, в лучшем случае, сидит и смотрит на них издали, странно и поистине недоверчиво» [Карлейль, 2008б: 636]. Прямого отрицания религии на этой стадии еще не происходит, но это – начало конца. Скептицизм («ужасное, беспокойное Сомнение» [Карлейль, 2008б: 646], «гипотеза не-Бога» [Карлейль, 2008б: 680], «духовный паралич» [Карлейль, 2008а: 174]) знаменует собой полное торжество секулярного духа и подводит современного человека к атеизму.

По Карлейлю, именно секуляризм является триггером падения во всех подсистемах общества. Предположение, что мир лишен сакрального измерения, ведет к возникновению социальных призраков: лже-ценностей (культ маммоны), лже-элиты (деградировавшая аристократия), лже-труда (работные дома) [См.: Карлейль, 2008б: 680-681]. Умственное сомнение неизбежно соединяется с нравственным [Карлейль, 2008а: 174]. Безверие – центральная проблема современности: «Здесь-то и есть самое настоящее место болезни, центр всемирной, общественной Гангрены, угрожающей всему современному ужасной смертью. Для того, кто об этом размышляет, здесь ствол с его корнями и корневищем, обширными, как мир, ветвями анчарного

дерева и проклятыми ядовитыми выделениями, под которыми мир лежит, корчась в атрофии и агонии. Вы касаетесь самого фокуса всего нашего болезненного расстройств, ужасного учения о болезнях, когда прикасаетесь к этому. Нет веры, нет Бога; человек потерял свою душу и тщетно ищет противогнилостной соли» [Карлейль, 2008б: 680]. Высвобождается оставшаяся без присмотра «демоническая, дикая сама по себе природа человека...» [Карлейль, 1991: 16].

Скептицизм и атеизм представляют собой явную угрозу. Они идут в «лобовую атаку» на религию, и это несколько снижает их эффективность и облегчает борьбу с ними. *Нерелигия* менее опасна в сравнении с *деградировавшей* религией. По Карлейлю, христианство со временем подпало под влияние духа утилитаризма, превратившись в религиозный аналог морального бентамизма – в *удобную* религию, ослабленную и расслабляющую, которая не требует от человека тяжелой работы над собой, не требует подвига. А «Безмятежное Ханжество», ослабленная вера, *недовера* куда опаснее полного *безверия* [См.: Карлейль, 2008б: 646, 680; Jordan, 2019].

Карлейль подвергает уничтожающей критике *обрядовере*, религию «пустых форм», «обликов», «под которыми уже нет более живого Образа или Духа; а между тем облик всё еще глядит на вас своими стеклянными глазами, в страшном подражании Жизни...» [Карлейль, 1902: 240]. По его мнению, наиболее полно обрядоверие проявило себя в современном католицизме. (Отношение к католицизму *средневековому* у него совершенно иное.) Для нынешних пап «всё почитание Бога есть театральная фантасмагория восковых свечей, органной музыки, Григорианского пения, чтения во время служб, пурпурных монсеньоров, артистически распостертых частей тела из шерсти и железа, дабы простецы были спасены от худшего?» [Карлейль, 2008б: 681-682].

Карлейль усматривает заслугу папства в том, что оно представляет собой попытку сохранить *почитание* в жизни современного человека, попытку искреннюю, основанную на подлинной вере, но опирающуюся на ложные средства. Папизм руководствуется «Сценической Теорией Почитания», бросая все силы на создание «Великолепной Фантасмагории». Папа – это «величайший актер», у которого профессиональные театры могли бы поучиться, «как одевать своих актеров, как располагать свет и тени» [См.: Карлейль, 2008б: 682-683]. Однако нельзя строить сопротивление болезням современности исключительно на сценических эффектах – такого рода сопротивление на деле является формой эскапизма: «Бездна Скептицизма, Атеизма, Якобинизма, – посмотрите, она покрыта, она спрятана от вашего отчаяния сценическими приспособлениями, обдуманно устроенными» [Карлейль, 2008б: 682]. Это искренний самообман, иллюзорная победа над болезнями современности. Современный католицизм – всего лишь призрак христианства, *когда-то* героической религии [Карлейль, 2008б: 682].

В качестве одного из проявлений прогрессирующей десакрализации мира Карлейль рассматривает использование религии для решения частных общественных задач, в частности, для снятия социального напряжения и

обеспечения классового мира. По его глубокому убеждению, религия не должна обслуживать социал-реформистские проекты, вечное не может находиться в услужении у сиюминутного: «Представьте себе... человека, который советует своим собратьям-людям верить в Бога для того, чтобы ослабел Чартизм и Манчестерские Рабочие могли приняться мирно ткать! Такая мысль еще более нелепа, чем какой бы то ни было столб для реклам, когда-либо виденный на общественном гулянье! Мой друг! Если ты когда-нибудь придешь к тому, чтобы верить в Бога, ты найдешь, что в сравнении с этим совершенно ничтожны всякий Чартизм, Манчестерское восстание, Парламентское бессилие, Министерство Уиндбега, самые дикие Общественные Смуты, гибель от огня всей нашей Планеты. Братья, эта Планета, думается мне, лишь незаметная песчинка на материке Бытия. Жалкие временные интересы этой Планеты, твои интересы здесь и мои интересы, – когда я пристально смотрю на это вечное Море Света и Море Пламени с его вечными интересами, – уменьшаются буквально до Ничто <...> Я столь же мало могу думать, будто Млечный путь и Звездные системы были созданы для того, чтобы направлять маленькие рыбацьи лодки, – сколь думать, будто Религия проповедуется для того, чтобы сохранить возможность существования Полицейских» [Карлейль, 2008б: 704-705].

Современность как царство иллюзии

Иллюзорный, призрачный характер современного мира Карлейль связывает с двумя фундаментальными изъянами человека: порчей «зрения» и дефектом «слуха». Речь в данном случае идет о *внутреннем, духовном* измерении этих человеческих способностей. Под болезнью зрения Карлейль понимает неспособность современного человека видеть что-либо, кроме «обманчивой Внешности», поверхности, мишуры. Люди вооружились оптическими приборами и при этом не способны узреть по-настоящему важное. «Ищите только обманчивую Внешность ... вы и найдете только обманчивую Внешность. Божественная Действительность будет всегда далека от вас <...> Увы, недостаток этот ... есть менее недостаток в телескопах, чем недостаток в некотором зрении. У этих суеверных тупиц XII века не было телескопов. Но у них были еще глаза» [Карлейль, 2008б: 662].

Духовной слепоте сопутствует духовная глухота. В первую очередь, это предполагает невосприимчивость к «громовому» и «грозному» голосу Откровения, зовущего к *иной* жизни [См.: Карлейль, 2008б: 637]. Карлейль подчеркивает фундаментальную роль речевых практик в общественной жизни, а также в деле самопознания и самоидентификации человека: «...Речь есть тот газообразный элемент, из которого сгущаются и получают образ большинство видов Практики и Деятельности, особенно все виды моральной Деятельности; какова одна, таковы будут и другие» [Карлейль, 2008б: 694]. А посему: «Блюдайте ваш язык, ибо чрез него вливаются источники жизни» [Карлейль, 1907: 120]. Подлинная, истинная речь – «истина, доходящая до нас в живом голосе» [Карлейль, 2008б: 717]. Она подобна «зажженному небесному огню, который должен показать нам, что существует чудесный мир и усовершенствовать его в человеке» [Карлейль, 1907: 27]. Но речь не

самоценна: она есть ретранслятор стоящей за ней сущности, в том числе, темной и разрушительной. За высказыванием могут стоять «пар, жадное самомнение, общие места и неясный, темный хаос» [Карлейль, 1907: 27]. Карлейль не видит большой беды в косноязычии и молчании, напротив, они часто свидетельствуют о деятельной натуре и величии души [См.: Карлейль, 1907: 28-29; Карлейль, 2008б: 686-687; Карлейль, 2008в: 838-834].

Одна из величайших бед современности, по Карлейлю, состоит в торжестве «ложного красноречия», «мнимо-превосходной речи», способной посредством ораторских эффектов скрыть от аудитории подлинную сущность говорящего. На фундаменте «лживой фразеологии» основаны «эпохи упадка» [См.: Карлейль, 1991: 13-14]. А это, в свою очередь, оказывается возможным из-за утверждения риторической доминанты во всех сферах общественной жизни, от образования до политики и религии. Современная цивилизация предполагает господство болтовни и болтунов, которых с детства учат производить посредством речи «обманчивое подобие правды» [См.: Карлейль, 1907: 23, 26]. «Духовный ущерб, который мы бессознательно терпим во всех областях наших дел вследствие своего глубокого уважения к силе слова, неисчислимы. Он естественный результат таких эпох, как наша. Предаваясь в течение нескольких поколений общей неискренности, вы, конечно, поставите на почетное место оратора, между тем, как деятель, затерянный в темной толпе, будет истощаться, незамеченный в своей работе или трудиться на недостойной его борозде. Все лежат ниц перед красноречивым оратором, и никто не хочет знать, что это за вредный идол! <...> Вероятно, во всей природе не найдется более одурающего призрака, чем ваш красноречивый оратор...» [Карлейль, 1907: 23-24].

Итак, современный человек уязвим перед лицом разного рода обмана, неискренности, становится легкой добычей манипуляторов. Отсутствие *духовного* зрения и *духовного* слуха, ориентация на внешние эффекты неизбежно ведут к *лже*почитанию и к утверждению *псевдо*элиты. Высшие классы современности – лжегерои, шарлатаны, неспособные к действию «говорящие классы» [См.: Карлейль, 2008б: 694; Карлейль, 1907: 26]. Единственное искусство, освоенное ими в совершенстве, – «искусство политического красноречия», которое Карлейль объявляет «самым ужасным проклятием, которое давит нас теперь ... Это-то пресловутое "искусство" ... и разрушает всё хорошее, что дано нам от природы. Оно-то и является главной фабрикой зла ... окончательной мастерской товаров дьявола...» [Карлейль, 1907: 26].

Ущербный человек подходит к миру с соответствующей меркой; его критерии элитарности – «деньги с раззолоченными каретами» и «слава», искусственно раздутая прессой [См.: Карлейль, 2008б: 660]. Он не может (да и не хочет) узнать подлинного героя. Эпистемологической несостоятельности («слепоте/глухоте») на социальном уровне соответствует «рабство», «холопство» [См.: Карлейль, 2008б: 634]. Карлейль настаивает на единой природе и взаимной обратимости лжегероя и его почитателя: «И Шарлатан, и Одураченный ... суть лицо и изнанка одной и той же материи ... Переставьте

вашего одураченного в соответствующую, питательную среду, и он сам может сделаться шарлатаном. В нем есть потребная гнилостная неискренность, откровенная жадность до выгоды и чувство, закрытое для истины, а из этого-то шарлатаны, во всех их видах, и делаются» [Карлейль, 2008б: 634]. Почитатель лжегероя сам является потенциальным лжегероем.

Проблема не может быть решена посредством демократических механизмов формирования элиты («баллотировочного ящика»), скорее наоборот, они делают господство лжегероев неизбежным. «Шарлатан будет вашим законным, неизбежным Королем. Никакой земной механизм не способен устранить Шарлатана. Вы будете прирожденными рабами Шарлатана и будете страдать под его властью, пока сердца ваши не будут готовы разорваться. И никакая Французская Революция или Манчестерское Восстание, частные или всеобщие вулканические пожары и извержения, сколь бы много их ни было, не могут сделать ничего более, как только "изменить вид вашего Шарлатана". Суть же его останется на все времена» [Карлейль, 2008б: 660]. Демократия – это эффект пустоты, состояние *недогероизма* и *псевдогероизма*, ситуация подмены и самозванства, когда *негерой* претендует на исполнение героической миссии. «Демократия – что означает – люди отчаиваются найти Героев, которые бы управляли ими, и спокойно приноравливаются к отсутствию их» [Карлейль, 2008б: 698]. Карлейль приходит к выводу о том, что демократия находится в «близком родстве с Атеизмом и другими печальными "измами". Тот, кто не усматривает никакого Бога, как усмотрит он Героев, эти видимые Храмы Бога?» [Карлейль, 2008б: 698].

Нам представляется, что обращение к критическому аспекту антропологического проекта Томаса Карлейля позволяет в полной мере оценить степень его радикальности. Такое обращение оправдано еще и тем, что контрастирование является из одной из характерных черт авторского стиля Карлейля: в его текстах позитивное утверждение чаще всего сопровождается детальным описанием антитезы. В нашем случае это означает, что прояснение сущности героического происходит, в том числе, посредством изложения феноменологии *негероического*. Показ *недолжного* призван оттенить должное. Духовной трансформации (=излечению), которую предрекает Карлейль, предшествует выявление препятствий (=постановка диагноза), установление дистанции между *есть* и *будет*, между наличным состоянием человечества и героической альтернативой.

Негероический мир изображается как состояние религиозного и нравственного падения, деградации социальных отношений, как мир, находящийся в полушаге от антропологической катастрофы. Нарочитое сгущение негативных смыслов естественным образом подводит к выводу о недопустимости дальнейшего пребывания в описанном состоянии и о необходимости движения в принципиально ином направлении – в сторону героической альтернативы. Созданию атмосферы алармизма способствуют апокалиптические коннотации, отсылки к смысловому и образному миру Библии. Критика, с которой Карлейль обрушивается на современность,

построена по лекалам проповеди, с которой обращались к своей аудитории ветхозаветные пророки.

Констатация уникальности и неповторимости авторского стиля Томаса Карлейля давно стала общим местом [См.: Тэн, 1876: 161-180]. Действительно, ему и его текстам принадлежит особое место в истории британской литературы викторианской эпохи. Вместе с тем, если мы поместим Карлейля и его работы в иной контекст, – в контекст интеллектуальной истории, – мы будем вынуждены констатировать, что они в определенном смысле типичны, показательны, отражают некоторые общие социально-культурные тенденции. В частности, на его примере мы можем наблюдать генезис такого идеологического феномена, как *«реакционный модернизм»* [См.: Нерф, 1984; Овсянников, 2020]. Последний представляет собой гибрид, сочетающий темы из современного репертуара смыслов (призыв к революционному обновлению общества, культуры и человека, принятие технических новинок, установка на экспериментаторство применительно к самому широкому спектру явлений – от мира художественных образов до политических и религиозных форм) с премодерным (автократия, патернализм, идеократия, проповедь иррационализма). Оговоримся, что реакционный модернизм представляет собой не столько идейное направление или движение, сколько тенденцию, дискурсивный и имагинативный тип. Итак, тексты, в которых обнаруживается указанная тенденция (тексты Карлейля – из их числа), не могут быть однозначно отнесены к разряду «консервативных», несмотря на то, что критика современности в них совершается, в том числе, с оглядкой на традиционное общество.

Другое обстоятельство, которое необходимо учитывать в ходе интерпретации карлейлевского дискурса о современности, состоит в следующем: на его примере мы можем наблюдать процесс замещения фигуры священника фигурой светского интеллектуала в качестве духовного авторитета. И в этом качестве случай Карлейля не уникален, напротив, в нём отразился «дух времени», достаточно вспомнить примеры Руссо и Гёте, Толстого и Георге. Секуляризация, будучи важнейшей составной частью процесса модернизации культуры и общественной жизни, создала ситуацию, которая не может быть описана бинарной схемой «вера – неверие». Атеизм стал лишь одним из вариантов ответа современного человека на кризис традиционной религиозности. Другой вариант – мощная теистическая волна, представленная пиетизмом, методизмом и т.п. Но был и третий путь, выразившийся в многообразных поисках «чего-то такого, что могло бы заменить нам прежние смыслы, утраченные вместе с трансцендентностью» [Тейлор, 2017: 385]. Карлейль принадлежит плеяде мыслителей, для которых возврат к христианской ортодоксии в силу различных причин оказался невозможен, но для которых она, в соединении с альтернативными источниками, оказалась важным ресурсом смыслов и вдохновения. В этом контексте становятся понятны профетический пафос Карлейля и его претензия на духовное наставничество («плащ ветхозаветного пророка на плечах великого художника» [Саймонс, 1981: 166]), а также критика модерности,

осуществляемая *sub specie aeternitatis*. Он охвачен праведным гневом. Он – носитель истины, что дает ему право критиковать происходящее с точки зрения высших ценностей. Он исполняет сотериологическую миссию. Его сверхзадача – преобразование человека, мучительная метаморфоза, сопоставимая с актом обращения. На наш взгляд, признание (квази) религиозного характера текстов и идей Томаса Карлейля, равно как и отнесение его к числу провозвестников реакционного модернизма, задает герменевтическую рамку, вне которой перспектива корректной интерпретации его идейного наследия представляется сомнительной.

Список литературы

Карлейль, 2008а – *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

Карлейль, 1907 – *Карлейль Т.* Памфлеты последнего дня. СПб.: Тип. Г.А. Бернштейна, 1907. 131 с.

Карлейль, 2008б – *Карлейль Т.* Теперь и прежде / Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 625-750.

Карлейль, 1991 – *Карлейль Т.* Французская революция. М.: Мысль, 1991. 575 с.

Карлейль, 2008в – *Карлейль Т.* Этика жизни. Трудиться и не унывать! / Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 751-846.

Карлейль, 1902 – *Карлейль Т.* Sartor Resartus. Жизнь и мысли герр Тейфельсдрекка. М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 356 с.

Овсянников, 2020 – *Овсянников А.В.* Ориентальная утопия в дискурсе российских реакционных модернистов / Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 49-60. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-7.

Саймонс, 1981 – *Саймонс Дж.* Карлейль. М.: Молодая гвардия, 1981. 288 с.

Тейлор, 2017 – *Тейлор Ч.* Секулярный век. М.: ББИ, 2017. XIV + 967 с.

Тэн, 1876 – *Тэн И.* Новейшая английская литература в современных ее представителях. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. III + 385 с.

Hristianstvo: Enciklopedicheski slovar': V 3 t.: t. 2: L – S / Red. kol.: S.S. Averincev (gl. red.) i dr. М.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1995. 671 s.

Herf, 1984 – *Herf J.* Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. 251 p.

Jordan, 2019 – *Jordan A.* A drudge's bargain Thomas Carlyle on Christian Epicureanism // Historical Research. 2019. Vol. 92. № 256. P. 362-385. DOI: 10.1111/1468-2281.12265.

Reference

Karlejl', 2008a – *Karlejl' T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii*. M.: Eksmo, 2008. 864 s.

Karlejl', 1907 – *Karlejl' T. Pamflety poslednego dnya*. SPb.: Tip. G.A. Bernshtejna, 1907. 131 s.

Karlejl', 2008b – *Karlejl' T. Teper' i prezhde / Karlejl' T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii*. M.: Eksmo, 2008. S. 625-750.

Karlejl', 1991 – *Karlejl' T. Francuzskaya revolyuciya*. M.: Mysl', 1991. 575 s.

Karlejl', 2008c – *Karlejl' T. Etika zhizni. Trudit'sya i ne unyvati'!* / Karlejl' T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii. M.: Eksmo, 2008. S. 751-846.

Karlejl', 1902 – *Karlejl' T. Sartor Resartus. ZHizn' i mysli gerr Tejfel'sdreka*. M.: Tipo-litografiya t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1902. 356 s.

Ovsiyannikov, 2020 – *Ovsiyannikov A.V. Oriental'naya utopiya v diskurse rossijskih reakcionnyh modernistov / Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 2020. T. 6. № 4. S. 49-60. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-7.

Sajmons, 1981 – *Sajmons Dzh. Karlejl'*. M.: Molodaya gvardiya, 1981. 288 s.

Tejlor, 2017 – *Tejlor CH. Sekulyarnyj vek*. M.: BBI, 2017. XIV + 967 c.

Ten, 1876 – *Ten I. Novejshaya anglijskaya literatura v sovremennyh ee predstaviteľyah*. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1876. III + 385 s.

Hristianstvo: Enciklopedicheskiy slovar': V 3 t.: t. 2: L – S / Red. kol.: S.S. Averincev (gl. red.) i dr. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1995. 671 s.

Herf, 1984 – *Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. 251 p.

Jordan, 2019 – *Jordan A. A drudge's bargain Thomas Carlyle on Christian Epicureanism // Historical Research*. 2019. Vol. 92. № 256. P. 362-385. DOI: 10.1111/1468-2281.12265.